

Тем временем Башта решил передать на рассмотрение парламента все дела о люстрации людей, проходящих по категории В (включая и "микрокатегорию" ДС). По его мнению, все эти дела должны быть аннулированы. Будучи не в состоянии очистить Кавана непосредственно через решение своей комиссии, он, по видимому, надеется помочь ему вывернуться посредством этой технической процедуры. Каван, разумеется, хотел бы добиться прямого заключения по своему делу — он настаивает, что имеет на это полное право.

Обо всем этом Каван недавно рассказал мне по телефону. Казалось, он уже потерял всякую надежду. Я спросил, почему он продолжает заниматься этим делом; к чему безуспешно биться головой о стенку? До меня дошел его далекий вздох. "Я делаю это ради моих детей, — сказал он наконец. — Ради моей новорожденной дочки Моника, ради моей живущей в Англии семнадцатилетней Кэролайн, ради моего одиннадцатилетнего Майкла, который живет в Праге. Для меня крайне важно то, что они думают или будут думать обо мне. И хотя я не думаю, что они когда-либо смогут поверить тому, что я работал осведомителем, я не могу сказать того же об их друзьях, а моим детям это будет неприятно. Видите ли, я хорошо разбираюсь в таких вещах. Я сегодня борюсь не столько за сердца или умы моих детей, сколько за их душевное спокойствие".

Лоуренс Вешлер

ОТ КАФКИ К ДРЕЙФУСУ

Несколько недель назад герой моей недавней статьи "Бархатная чистка" Ян Каван все еще дожидался решающих слушаний по своему делу. Каван, один из ветеранов чешской политической эмиграции, с триумфом вернулся в Прагу в ноябре 1989 г. и был позднее избран в федеральный парламент. Однако уже через несколько месяцев его объявили многолетним агентом СТБ — службы государственной безопасности при коммунистическом режиме. Его дело стало символом массовой истерической охоты на ведьм, которая охватила Чехословакию. Большую часть своих надежд на оправдание Каван возлагал на процесс, именуемый люстрацией. Он свято верил, что честное и беспристрастное изучение архивов СТБ, якобы содержащих инкриминирующие его сведения, продемонстрирует его полную невиновность. К началу осени ему удалось добиться рассмотрения своей жалобы в так называемой Независимой комиссии, в обязанности которой входил разбор случаев той группы, к которой было отнесено его дело. Это произошло уже после того как посткоммунистическая юриспруденция успешно отбила другие его попытки подобного рода. Независимость этой комиссии казалась сомнительной, отношение ее членов к делу Кавана было безнадежно политизированным. Все же он надеялся на минимально беспристрастные слушания. Но назначенное на утро 15 сентября заседание по его делу было прервано из-за невозможности обеспечить кворум и перенесено на 16 октября.

Каван, как ему и было назначено, явился на это второе заседание (на следующий день он информировал меня об этом по факсу). Однако ему сообщили, что никакой

* Lawrence Weschler. From Kafka to Dreyfus. The New Yorker magazine, Nov. 2, 1992

новой защиты от него не потребуется, так что не будет и нужды в его выступлении. Комиссия уже вынесла свой вердикт, обвинив Кавана в "сознательном сотрудничестве" с СТБ — столь очевидное пренебрежение процессуальными нормами вообще типично для многих разбирательств по люстрационным делам в Чехословакии. В ответ на вопрос, на каких документах из его досье было основано решение комиссии, Каван узнал, что ее члены постановили большинством голосов, что он был и в 1969-1970 гг. достаточно интеллигентен для того, чтобы распознать в Зайичеке агента СТБ — и это несмотря на данные в другом месте показания самого Зайичека о том, что он ни разу не дал Кавану ни малейших оснований заподозрить свою двойную роль. Каван указал, что тайная полиция не могла бы не потребовать от своего "сознательного сотрудника", чтобы он хранил свои связи с нею в полном секрете, в то время как он сам регулярно информировал свой студенческий союз о встречах с Зайичеком (Зузана Блюх, которая тоже присутствовала на заседании комиссии, была готова подтвердить это заявление). Но и эти слова Кавана не возымели никакого действия. Он также заявил, что все люди, перечисленные в его досье в качестве предполагаемых объектов его доносов, включая известного журналиста Уильяма Шоукросса, продолжали оставаться на его стороне: некоторые из них переслали комиссии свои письменные свидетельства, а Шоукросс ранее даже слетал за собственный счет в Прагу, чтобы представить комиссии свои показания, в которых особо опровергались любые спекуляции насчет того, что Каван мог бы выполнять те или иные указания Зайичека. На это ему резко ответили, что вердикт комиссии не подлежит дальнейшему обсуждению.

Однако после заседания комиссии ее председатель Ярослав Башта сообщил Кавану (а позднее и местным средствам массовой информации), что он, будучи убежден в невинности Кавана, голосовал за его оправдание. Башта сам вышел из радикального студенчества конца 1960-х годов, и поэтому он понимал реальные

условия так называемой нормализации, последовавшей за советским вторжением, гораздо лучше, чем его более молодые и неизмеримо более самодовольные коллеги по комиссии. "Заключение комиссии явно основывалось отнюдь не на одном лишь беспристрастном изучении представленных ей фактов", — такими словами Каван передал мне по факсу мнение Башты, добавив, что тот не уточнил, какие еще факторы сыграли тут роль.

Кавану кратко сообщили, что он вправе оспорить вердикт комиссии в муниципальном суде Праги. Ему предстояло вернуться в тот самый кафкианский мир, из которого он пытался вырваться, добиваясь решения Независимой комиссии. Среди его нынешних проблем не последнее место занимает отсутствие денег для такой апелляции. Над ним все еще висят тысячи фунтов долгов, оставшихся с тех времен, когда он из Лондона помогал чешским диссидентам, что само по себе опровергает все циркулирующие по Праге домыслы, что Каван попросту продался СТБ за деньги.

В моей первой статье я уже сравнивал дело Кавана с делом Дрейфуса; эта аналогия вновь пришла мне в голову, когда я узнал о вердикте Независимой комиссии. Как и Дрейфус, Каван человек очень непростой и нелегкий в общении, изломанный и вспыльчивый, часто не вызывающий ни малейших симпатий, обладающий поистине гениальной способностью отталкивать потенциальных доброжелателей и союзников. Но в то же время не может быть никакого разумного сомнения в том, что он явно невинен в выдвигаемых против него обвинениях. Еще одна аналогия с Дрейфусом: в общественной реакции на дело Кавана тоже, хотя пока еще в меньшей степени, ощущается отчетливый душок антисемитизма. (Такой же антисемитизм — или, если использовать ходовой эвфемизм, "антикосмополитизм" — окутывает сейчас многих ветеранов оппозиции в столь различных странах как Венгрия, Польша, Румыния, Югославия и бывший Советский Союз.) Но в данном случае еще важнее то, что, как дело Дрейфуса надвое разделило всё французское общество в годы, последовавшие за унижительным поражением

страны во франко-прусской войне, так и дело Кавана стало источником раскола нынешнего чешского общества. Правда, масштабы этого раскола уступают имевшему место во Франции, отчасти потому, что случай Кавана отнюдь не единственный в своем роде, хотя явно наиболее одиозный.

Болезненная общность между делом Дрейфуса и делом Кавана состоит в самой потребности глубоко униженного общества (а позор чехословацкого общества состоял в оскорбительной пассивности большинства населения страны в течение двух десятилетий коммунистической "нормализации") найти удобных козлов отпущения. Нынешнее чешское общество разделено на каванистов и антикаванистов (это его самодовольное большинство, поощряемое правящей коалицией премьер-министра Клауса, которая контролирует большинство средств массовой информации). Былой раскол Франции на дрейфусаров и антидрейфусаров еще не изжит окончательно и сегодня, более чем через столетие. Подозреваю, что и через пятьдесят лет в политической жизни Чехии будет сказываться раскол, вызванный делом Кавана, и споры о нем и тогда не утихнут.

Однако, как я уже отмечал, это дело — отнюдь не единственное в своем роде. Живущие в эмиграции в Торонто чешский публицист Йозеф Шкворецкий и его жена Здена с начала 70-х годов руководят издательством "Паблшерс-68", которое, судя по всему, можно считать мировым лидером в выпуске аутентичной чешской литературы. Список их авторов включает Милана Кундеру, Вацлава Гавела, Ивана Климу, Ярослава Сайферта и несчетное множество других имен. Как-то прошлым летом они с ужасом узнали, что в списках предполагаемых осведомителей СТБ фигурирует и имя Здены Шкворецкой — обвинение в высшей степени идиотское, но такое, от которого, как и в случае Кавана, может быть, почти невозможно отмыться. Шкворецкий сейчас нередко цитирует то, что написал когда-то о революциях другой знаменитый восточноевропейский изгнанник Джозеф Конрад: "В начале движения могут стоять натуры чест-

ные и благородные, человеколюбивые, преданные и справедливые, интеллигентные и бескорыстные, но потом оно удаляется от них... Впоследствии на первое место выходит великое множество претенциозных интеллектуальных неудачников своего времени".

Recipients Named for the Polk Awards
by William Glaberson
c. 1993 N.Y. Times News Service

Magazine Reporting: Lawrence Weschler of the New Yorker for his descriptions of injustices against a leader of the Czechoslovak resistance, which raised questions about fair play and constitutional order in the post-Communist era.

Редакция "Проблем Восточной Европы" поздравляет Лоуренса Вешлера с премией Джорджа Полка за статью "Бархатная чистка". Эта премия была учреждена Лонг-Айлендским университетом в 1949 г. в честь корреспондента американской телекомпании Си-Би-Эс, погибшего в 1948 г. при освещении гражданской войны в Греции.